

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов

Владимир Иванович Хлыстов был молодой человек с независимым состоянием и писал стихи. Другого никакого занятия у него не было, но он почитал для себя и это достаточным, потому что надеялся своими стихами произвести переворот во вселенной и перевоспитать всё человечество. В ожидании этого благодетельного переворота он, когда не творил стихов, ездил в театр, да в танцкласс к мадам Б., да еще кое-куда, бил баклуши с половины третьего до четырех на Невском проспекте и кутил с своими приятелями, в твердой уверенности, что поэт непременно должен кутить.

Кто-то из писателей очень метко охарактеризовал известный разряд петербургской пишущей братии названием "тли".

Господин Хлыстов, не во гнев ему будь сказано, именно принадлежал к этой "тле". Что касается до его приятелей, то они также были, по значению, не более как подобная Владимиру Иванычу тля...

"Тля, тля и тля!" Вы морщитесь... Вам кажется странным, неуместным, что я, желая сделать "очерки литературной жизни", заговорил с вами о тле... Вы скажете: да неужели у нас в литературе нет ничего, кроме тли? Сохрани меня бог утверждать такую нелепость!.. Нет, милостивые государи, я очень хорошо знаю, что в Петербурге есть литераторы, которых одно имя внушает уважение, есть журналисты, которых физиономии заключают в себе нечто "внушающее" и свидетельствующее об их неутомимом трудолюбии, есть заслуженные двадцатилетние любимцы публики, есть... но не перечтешь всех, какие в петербургской литературе попадаются тузы... Но тузы у всякого на глазах; их действиями литературными и нелитературными, их жизнью, даже частною жизнью во всех ее мелочах, интересуются, и укажите мне хоть одну петербургскую знаменитость, которой история не была бы известна публике как пять пальцев?.. Если и удавалось кому в течение нескольких лет с успехом окружить себя интересующим мраком таинственности, зато, когда наконец случай хоть немножко приподнимал завесу, - всё тотчас выводилось наружу с удивительною поспешностью, и о добродетелях такого "субъекта", долго таившихся под спудом, начинал трубить весь город. А тля? Кто ею интересуется? Кто, бесстрашный, решится спуститься туда, где настоящее ее местопребывание, чтоб выследить ее жизнь, нравы, обычаи? А это нелегко. Я даже думаю, что окажу вам услугу, раскрыв перед вами некоторые явления в мире этой "тли", те явления, которые не были еще раскрыты.

Люди, с которыми я хочу теперь знакомить вас, - всё люди великие. Каждый из них имеет своих поклонников и в большем или меньшем количестве обер-офицерских семейств, куда по воскресеньям ходит обедать, слышет гением. Люди эти, следовательно, не так ничтожны, как думают. Петербургский чиновник не любит и ни о чем не имеет времени думать, что выходит из круга его занятий. Однако ж он иногда чувствует потребность иметь о том или другом предмете какое-нибудь мнение. Что бы стал делать он при таком положении дел, если б раз в неделю не посещал его "сочинитель", который всё знает, у которого всё можно спросить?.. Поймите же великое значение для Петербурга презираемой вами тли. Их мнения принимаются на слово и повторяются сотнями почтенных и благонамеренных людей; они, следовательно, дают направление массе, они устанавливают тот голос, который называют гласом публики. Каков этот голос, это другой вопрос... Довольно сказать вам, что без тли Петербургу было бы плохо. Пришлось бы иногда самому думать о таких вещах, о которых думать совсем нет ни охоты, ни времени.

Хлыстов занимал квартиру, каких много в Петербурге и какие для холостяков очень удобны: две комнаты с кухней и прихожей. Квартирка его убрана была, как убирают в Петербурге люди средней руки и среднего состояния: красные диваны, вместо шерсти набитые мочалой, а дерево кресел хотя и красно, однако ж совсем не красное.

Хлыстов ждал гостей: вышла новая его поэма, и он решился задать пирушку, чтобы задобрить издателя некоей газеты... В утреннем голубом сюртуке с плюшевым воротничком и шелковыми кистями, в бархатной феске с золотым ободочком и красной кисточкой, в желтых туфлях, с умыслом прорванных на большом пальце правой ноги, Владимир Иваныч медленно прохаживался по своему кабинету, и душа его тонула в

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
блаженном созерцании самого себя и своей квартиры. "Если б,- думал он,- кто-нибудь вздумал написать из меня повесть, он, верно бы, описал прежде всего мой кабинет, и, надеюсь, тут ему довольно было бы работы..." При этом Хлыстов самодовольно взглянул на кучу разных безделушек, развешанных по стене, расставленных по сторонам, размещенных по этажеркам и подоконьям, сделал гримасу портретам, сказав: "Эх, вы!", и потом заглянул мимоходом в зеркало. "Описавши кабинет, он, верно, начал бы так: "Молодой хозяин кабинета..." И тут Хлыстов не мог удержаться от улыбки, подумав, что повествователь уж никак бы не мог пропустить, что хозяин очень недурен собою. Эта мысль заставила его быстро подойти к зеркалу, и уже на этот раз он стоял перед ним довольно долго, потом начал шибко ходить, страшно отбрасывая ноги по сторонам и декламируя какие-то стихи своего сочинения. Потом он произнес: "Вот черт возьми!" - и задумался. Подумав с минуту, он вскочил и с необыкновенною живостью закричал: "Ванька, трубку!" - и опять сел... Прошла минута, ни Ваньки, ни трубки не было. Он побежал в кухню с сердитым лицом, разбудил Ваньку, крикнул, что он только спит и даром ест у него хлеб, погрозил высесть и, с гневом возвратившись в кабинет, сел и начал что-то насвистывать. Ванька подал ему трубку, которую набил из стоявшего тут же курительного снаряда.

В то время раздался звонок. Входит молодой человек невысокого роста, черноватый, в оливковой венгерке и в красном шарфе,- один из тех празднующихся молодых людей, которые попадают во всех гостиницах Невского проспекта и всюду, где есть на что поглазеть. Сам он ничего не сочинял, но был друг со многими второстепенными сочинителями и актерами и с гордостью говорил, что решительно не пропускает ни одного спектакля в Александрийском театре. И он не лгал.

Он имел искусство, при довольно хорошем состоянии, быть всегда без денег. Получив их, он тотчас делал пирушку, сзывая всех актеров, сочинителей и другого рода "артистов", кутил с ними до той поры, пока в кошельке душа была. Зато все артисты говорили ему "монгдер" и на шумных пирушках экспромтом произносили в честь его стихи, которые он заучивал наизусть и хранил в памяти, как драгоценность. Он готов был пробыть два дни без еды (что не раз и случалось), только бы пройтись по Невскому в новом шарфе, заплатить бенефицианту тройную цену за кресло в первом ряду и проехаться в коляске мимо окон той, которой посвящались аплодисменты его терпких рук и вздохи страстного сердца. Замечательно, что страсть кататься именно в коляске,- потому что в карете не всякий его увидит,- осталась в нем господствующею и тогда, как все другие исчезли, подавленные, как ртуть в термометре во время мороза, постоянным безденежьем. Он навещал своих приятелей пешком, когда уяно решительно нечего было ни заложить, ни продать, ни занять. Когда же появлялись деньги, он по два, по три, по четыре дни сряду разъезжал с утра до вечера по улицам, гордо посматривая вокруг себя, кланяясь знакомым и незнакомым, по несколько раз объезжал всех своих приятелей, завозил их по домам, по кондитерским, по театрам, и в эти торжественные дни самодовольная улыбка ни на минуту не спалывала с лица его; он был счастлив, хотя нередко можно было поручиться, что сам он не знает, где и будет ли завтра обедать. Еще любил он похвастать всем, что приходило ему на ум: значительностью своих родственников, красотою своей покойной матери, пирушками, которые задавал в старину, рысаком своего брата, балом, который задаст на своей свадьбе, интригой, которую непременно довел бы до благополучного конца, с какой-то губернаторшей, если б не помешал сам губернатор, и так далее. Приятели считали его добрым малым, но сам он был о себе мнения высокого и особенно находил в себе много остроумия. Поэтому острил, отпускал плоскости на каждом шагу и любил экспромтом рассказывать анекдоты, говоря всегда с примесью водевильных куплетцев, которых знал множество. В ту минуту, как он входил в кабинет Хлыстова, лицо его сияло необыкновенным весельем, глаза самодовольно блистали: по всему видно было, что он приехал в коляске.

- - Наше вам почтение-с, с пальцем девять-с, с огурцом пятнадцать! - сказал он, пародируя голосом и жестах актера, который с ловкостью передразнивает петербургских апраксинцев, и вслед за тем запел:

Здравствуй, кум ты мой любезный,

Здравствуй, кумушка моя.

Вот вам в лицах суд уездный

– – Ну что, каково изволили почивать-с? – продолжал он же останавливаясь.– А со мной случилась сейчас (и тут он уже заговорил собственным тоном) прекурьюзная история: еду, братец, я в коляске... ты знаешь, я иначе не езжу... навстречу идет такая странная фигура в фризовой сюртуке... Я, братец, снимаю шляпу и кланяюсь ей с глубочайшим почтением; она так и разинула пасть, остановилась, глядит на меня во все глаза. Кучер кричит: "Пади! пади!"... И что ж, братец? Вот диво, уж подлинно нечаянный каламбур: она в самом деле зашаталась да и упала перед самыми лошадьми...

Но господин в оливковой венгерке принужден был остановиться на самом патетическом месте своего рассказа: снова раздался звонок. Запыхавшись и отряхивая со шляпы легким хлыстиком свежий, только что выпавший снег, в кабинет вбежал молодой человек, одетый в темно-зеленый фрак, в бархатном жилете и лакированных сапогах.

– – Bon jour, {Здравствуй (франц.)} душенька! Как поживаешь? – сказал о я, подсакивая к Хлыстову и покрывая его щеки поцелуями.– А, Зубков (так звали господина в венгерке), ты уж здесь. Я так и думал – коляска стоит у подъезда; кому, думаю, кроме тебя, приехать в коляске!.. Только, братец, воля твоя – подгуляла!

– – Чем же? – произнес Зубков и поспешил подойти к окну, чтоб удостовериться, действительно ли она подгуляла.

– – Ну вот, – продолжал новопришедший, оглядывая кабинет Хлыстова с чувством родственного участия, потому что всё в нем, кроме стен и полов, было, так сказать, творением рук его.– Кабинетец стал хоть куда, настоящий литераторский, как подобает у артиста! – В Петербурге, в некотором кругу, есть обычай называть "артистами" всех, кто не чиновник, не военный и не купец.– И письменный стол, и этажерка, и Вольтеры, и полочка для книг, и ящик для рукописей... Поздравляю, поздравляю от всего сердца! – Он чмокнул Хлыстова в губы и продолжал не останавливаясь: – Ах, какая чудесная палка! Где ты, монтер, достал? Что за уморительная рожа. Китаец, должно быть, китаец... мандарин пятой степени!.. Ха-ха-ха... и с золотом... отделка чудесная... Ба! даже и наконечник-то золотой... А уж рожа, какая рожа! – он чмокнул ее.– Просто я влюбился в твою палку... Не могу расстаться!.. Ей-ей, не могу... Продай, братец! Сколько хочешь возьми... Или дай хоть на недельку... Я вынесу ее на сцену... Ха! ха! ха! Умору всех... Ну так даришь, что ли, моншер?

– – С удовольствием, – отвечал Хлыстов.– Очень рад, что она тебе нравится.

– – Ну так по рукам! Какой ты милашка, моншер! – Он опять чмокнул его.– Я тебе сам что-нибудь подарю... или нарисую в альбом... Ты знаешь, как я рисую... Так, что ли?

– – Ну, пожалуй, так. Что за счет между друзьями!

– – И в самом деле... Умно! Что за счет между друзьями... особенно между такими, как мы... ведь я тебя, душенька, люблю всем сердцем, всею душою, всем помышлением...

Молодой человек с хлыстиком в третий раз поцеловал Владимира Ивановича и начал прохаживаться, опираясь на новоприобретенную трость и напевая куплет из недавно разыгранного водевиля:

Да, истинно актеры жалки:

Должны лишь публикою жить,

Работать век свои из-под палки

И маску целый век носить.

Нетрудно догадаться, к какому классу принадлежал этот любезный и ловкий молодой

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru человек. Он был актер. Любезность составляла главную черту его характера, и эта любезность была так наивна, так обаятельно-вкрадчива, что нельзя было не плениться ею, особенно с первого раза. Оттого все молодые люди, знавшие его не коротко, были от него, как говорится, без ума, а знали его все, кто только ходил в театр. Можно было наверное сказать, что он в дружбе по крайней мере с половиною города. К такому обширному кругу друзей способствовала легкость, с которою он заводил знакомства. Поговорив не более пяти минут с человеком решительно незнакомым, он уж звал его другом, моншером, ангелом, душевнкой, лобызал при каждом слове, говорил ему ты, выпрашивал у него на память какую-нибудь вещицу и оставлял очарованным от своего деликатно-добродушного обращения и артистического достоинства. Говорили, что будто сердечные порывы его в таких случаях были по расчету и что он никогда не заведет знакомства, если нельзя было чем-нибудь поживиться; носились даже слухи, что для поддержания температуры его дружбы требовалось время от времени дарить его... Но как же можно верить слухам? Что касается лично до Хлыстова, то он готов был проспорить сто тысяч против одного, что друг его был действительно таков, каким казался. Хлыстов готов был идти за него в огонь и в воду. К подробнейшему объяснению характера этого артиста должно прибавить, что он был во всем большой знаток, славился необыкновенным изяществом вкуса, очень счастливо играл в карты и был услужлив не на одних словах: доказательством тому может служить рачительность, ловкость и искусство, с которыми он убрал квартиру Хлыстова. Деятельность его при этом случае была изумительна. Он сам торговался с мебельщиком и обойщиком, по нескольку раз заходил к ним, смотрел их работы вчерне, испытывал прочность и сухость дерева, закупал обои, наконец, сам расставлял мебель и вешал зеркала и портреты. Благодаря ему квартира Хлыстова в две недели убрана была, как игрушка. Подобную услугу он оказал многим и всем умел угодить.

Зубков продолжал смотреть в окно. Актер ходил и пел. Хлыстов курил и думал о своих стихах... Вдруг Зубков с живостью отскочил от окна, схватил актера за руку и сказал:

- - Послушай, братец, я тебе расскажу удивительный анекдот...

- - Знаю я твои анекдоты, - возразил актер. - Небось опять что-нибудь случилось, как ты ехал в коляске...

- - Именно. Еду, братец, я... ну, как всегда... в коляске... навстречу идет...

Тут Зубков рассказал то, что мы уже знаем, и продолжал:

- - Странная морда в самом деле зашаталась и повалилась на мостовую перед самыми лошадьми. Я кричу кучеру...

- - Извозчику, - заметил актер.

- - Ну, извозчику, всё равно. Кричу: "Стой! стой!" Выскакиваю из коляски, гляжу: красная морда лежит без движения, пена у рта, вся посинела, глаза выкатились. Народа собралось пропасть. Кричу: "Доктора! доктора! Нет ли между вами доктора?" Выходит здоровый, плотный мужик в полушубке и говорит: "На что, сударь, доктора?" Поднял синюю морду, поставил на ноги да как хватит ее во всю мочь кулаком по затылку. Так из горла и...

Но судьбе угодно было, чтобы развязка анекдота, которым так нетерпеливо желал разрешиться остроумный рассказчик, снова отсрочилась. Пришли разом три гостя: первый был по ремеслу фельетонист и отличался величавостью осанки и глубокомысленностью взгляда; другие два были: подслеповатый поэт Свистов, отличавшийся необычайною резкостью суждений, и небольшой толстенький водевилист, он же и драматург, Посвистов, с лысиной, очень искусно скрытой, известный в своем кругу обыкновением пить но утрам водку вместо чая, страстью повторять чужие каламбуры и мнения, за недостатком своих, и достойным удивления искусством вставлять в "свои" водевили, переводимые с французского, разные анекдоты и случаи из русской жизни, которые удавалось ему подслушивать. Поэт был еще очень молод, водевилист-драматург уже в годах; но разность возрастов не мешала им питать друг к другу самую нежную дружбу, возникшую вследствие тонкого расчета самой природы: оба они одинаково любили опорожнять бутылки, оба чувствовали одинаковую потребность в слушателе своих произведений, который показывал бы признаки глубочайшего внимания и умел при случае сделать умное замечание; наконец, оба любили острить и слышать одобрение, выраженное громким

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru хохотом. Всё это выполняли они взаимно с изумительной точностью и, кроме того, оказывали друг другу некоторые услуги более существенные: водевилист-драматург подбирал к стихотворениям поэта, не знавшего немецкого языка, эпиграфы из Гете, Шиллера и Жан-Поля. Поэт, любивший до безумия ночные прогулки, луну, деву, мечту, слякоть и другие принадлежности петербургской ночи, всякий раз доводил или довозил драматурга-водевилиста (не слишком твердого на ногах и не чувствовавшего себя на улице в темную ночь в достаточно храбром расположении духа) до самого дома с дружеских вечеринок, на которых они обыкновенно дольше всех засиживались, с редким единодушием опоражнивая недопитые бутылки и поверяя друг другу со слезами умиления свои сердечные тайны.

– – Ну, что нового в литературе, господа? – спросил актер, когда друзья уселись и закурили по трубке.

– – Ничего, – отвечал многозначительно белокурый фельетонист.

– – Я кончил свою поэму "колыбель человечества", – сказал длинный поэт. – Но знаю, что скажут другие, но мне кажется она лучшим моим произведением. Я вот ему (поэт указал на драматурга). читал ее: он очень хвалит.

– – В последнее десятилетие, – с поспешностью подхватил драматург, – никакое произведение нашей литературы так глубоко не западало мне в душу. Жена моя просто впала в истерику; говорит, не читала отроду ничего превосходнее.

Услышав слово "жена", Зубков тотчас выскочил вперед и запел:

Жена, действительно, как древо

Познания добра и зла:

Посмотришь справа, взглянешь слева,

Так браки – чудные дела...

Никто не обратил внимания на его выходку. Разговор продолжался.

– – Супруга его имеет очень тонкий и образованный вкус, – скромно сказал поэт, указывая на драматурга.

– – Поверите ли, – продолжал драматург, – я сам плакал навзрыд. Что бы, кажется! вымысел! пустяки! А между тем так и прошибают слезы!

При слове "пустяки" поэт нахмурился.

– – Ну, братец, не совсем пустяки! – возразил он с досадой. – Тут у меня была идея, глубоко значительная идея. Конечно, и идея для иных пустяки... как кто смотрит на вещи и как кто понимает. Вникни, да раскуси, да потом уж и говори – пустяки! От таких пустяков хоть у кого вот здесь, – поэт указал на голову, – повернется. Не раз придется сходить за словом в этот умственный карман, из которого Гете и Шиллер почерпали свои великие создания, а издатели "Гремучей змеи" ежедневно вытаскивают столько гнусных клевет и сплетней!

Так как Свистов произнес это тоном остроты, то Посвистов счел нужным захохотать.

– – Особенно я обратил внимание, – продолжал поэт, обращаясь к белокурому фельетонисту, – на устранение неточности выражений, которою вы, Павел Данилович, упрекнули первую мою сатирическую поэму. Могу вас уверить, голос ваш не был голосом вопиющего в пустыне.

Фельетонист поправил очки.

– – То есть ты, братец, – возразил драматург, тщетно стараясь удержаться от смеха, возбужденного в нем остротою, которую он готовился произнести, – соблюл в точности наставления Павла Даниловича касательно неточности выражений.

Актер толкнул меня локтем. Белокурый фельетонист посмотрел на

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru драматурга-водевилиста с явным состраданием. Свистов захохотал.

Когда всё пришло в прежний порядок, Свистов взял фельетониста под руку и начал ходить с ним по комнате говоря:

– Мне бы хотелось слышать ваше суждение о моей поэме, прежде чем она будет напечатана. Если б вы были так добры..

Свистов вынул из бокового кармана небольшую тетрадку и потянул сотрудника в соседнюю комнату.

– Уж если читать, так читать во всеуслышание! – вскричал вслед ему водевилист-драматург, угадавший тайную мысль скромного друга. – Полно, братец, скромничать! Ступай сюда!

По долгу хозяина Хлыстов присоединил свой голос к голосу драматурга; актер тоже. Поэт воротился, стал в позицию и, как бы чувствуя великость жертвы, на которую присутствующие решались, сказал:

– Одну главу, господа, не больше.

– Нужно очень! – проворчал с досадою зубков, нетерпеливо желавший разрешиться своим анекдотом, и отошел к окну.

Поэт начал:

Есть край, где горит беззакатное солнце

Алмазным пожаром в безбрежной дали

И сыплет горстями лучи, как червонцы,

На лоно роскошной и щедрой земли;

Где северный холод, вьюга и морозы

Сердец не сжимают, не сушат костей,

Где розы – как девы, а девы – как розы,

Где всё наслажденье, восторг для очей,

Где тигр кровожадный свободно кочует

И робкая серна находит приют,

Но где человек человека бичует,

Где плачут и стонут, где режут и жгут,

Где волны морские окрашены кровью,

Усеяно трупами мрачное дно..

– Страшно! у меня волосы дыбом становятся! – сказал актер, украдкой зевая в руку.

– Вроде Дантова ада, – заметил зубков, никогда не читавший Данте.

– А ваше мнение? – спросил поэт нетвердым голосом у фельетониста.

– Нельзя не согласиться, что картина варварских восточных обычаев изображена с потрясающим сердце эффектом, – отвечал фельетонист значительно..

– Мастерская картина, – закричал драматург.

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
– – А вообще о достоинстве поэмы что вы думаете? – спросил поэт, снова обращаясь к фельетонисту.

– – Позвольте мне удержаться, до некоторого времени, мое мнение при себе, – отвечал тот. – Вы прочтете его, когда поэма явится в свет, в ближайшем номере нашего издания...

Поэт побледнел и в смущении начал укладывать, к общей радости, рукопись свою обратно в карман.

– – Знаем мы ваши ближайшие, – сказал огорченный друг его с некоторою досадою, – далека песня!

Свистов счел нужным захохотать, потому что, по понятию господ, посещающих Александрийский театр, в последних словах драматурга-водевилиста заключался каламбур. Но смех поэта был далеко не так силен, сердечен и продолжителен, как прежде. Холодность фельетониста явно его опечалила. Все это заметили, и всем сделалось как-то не совсем ловко. Последовала довольно длинная пауза. Зубков не преминул ею воспользоваться: очень кстати явился на первом плане с своим анекдотцем и благополучно досказал его...

– – Вздор, братец, – сказал актер. – Я знал наперед, что вздор. Сам выдумал...

– – Что? как? вздор! – возразил Зубков шутливо обиженным тоном и пропел:

Задеть мою амбицию

Я не позволю вам,

Я жалобу в полицию

На вас, сударь, подам.

Хоть смирен по природе я,

Но не шутите мной,

Я – "ваше благородие",

А вы – то кто такой?

А водевилист-драматург, выслушав внимательно анекдот, приятно улыбнулся и сказал вполголоса: "Помещу в водевиль!"

Комнатки Хлыстова скоро начали наполняться народом. Пришел страстный любитель театра и литературы – пожилой, очень добрый человек, в эполетах, с майорским брюшком и лысиной от лба до затылка. Он снял саблю и, сказав: "Подождите здесь, Софья Ивановна!", поставил в угол, после чего с грацией поклонился ей и вмешался в толпу. Он говорил всякому встречному "ты" и "монгдер" и отличался необыкновенною любовью к некоторому лакомству, – любовью, которую, думал он, разделяет с ним вся вселенная. Раз, встретясь со мною на Невском проспекте, он с необыкновенною живостью схватил меня за руку и вскричал: "Моншер, моншер! Представь себе... Если б ты знал... Ах! если б ты знал!..." – "Да что такое?" – спросил я. Он нагнулся к самому моему уху и сказал шепотом, замиравшим от избытка счастья: "Мне прислали пять пудов сала из Малороссии!..." Он не только ел свиное сало пудами, но советовал лечиться им от всех болезней и беспрестанно рассказывал примеры чудотворного действия свиного жира на человеческое здоровье.

Потом явился турист, недавно возвратившийся из-за границы, человек с кривыми ногами, рыжею бородою, дурно говоривший по-французски и в пылу разговора нередко употреблявший фразу: "У нас в Париже!" Он явился сам-друг с записным любителем театра и литературы, господином чрезвычайно красивой наружности, который имел обыкновение через каждые полчаса кричать своему человеку: "Девка, водки!" – и очень хорошо угощал своих приятелей по понеделельникам. Вслед за ним предстал Павел Петрович Сбитеньчиков – человек довольно значительного и почтенного вида, старинный театрал, закулисный волокита первой руки, неперменный член всех

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru холостых закусок и вечеринок и, в дополнение всего, лунатик. По крайней мере так думали те, у которых ему случалось ночевать. Замечали, что он ночью непременно ходил и даже иногда рылся в шкафах и комодах и, ошибкой, уносил из гостиниц черешневые чубуки. Пришли два сочинителя – дядя и племянник, которые очень счастливо играли во всякие игры, когда им приходилось играть за одним столом. Оба они писали очень много, но подписывался под статьями по большей части один, именно дядя, для того, как выразился какой-то остряк, что "уж если позориться, так которому-нибудь одному". Наконец, в заключение, прибыли несколько театральные чиновники и актеры средней руки, которые приглашены были для балласта. Каждый, как водится, сказал какую-нибудь остроту, закурил трубку и сел или принялся меланхолически прохаживаться в ожидании завтрака. Разговор разделился на партии; гости сидели и двигались попарно. Офицер, называвший свою саблю "Софьей Ивановной", рассуждал с Хлыстовым о благотворном влиянии свиного сала на развитие не только физических сил, но и умственных способностей, что он испытал над собой. Зубков рассказывал в сотый раз актерам анекдот о фиолетовой морде, придуманный с целью довести до сведения всех и каждого, что он приехал в коляске. Фельетонист уговаривал издателя красивой спекуляции, не доставлявшей выгоды, купить у него и напечатать в одной книжке мелкие статейки его, разбросанные в разных журналах. Турист беседовал с поэтом и актером, которые слушали его – первый с подобострастным вниманием, второй с какою-то двусмысленною улыбкою.

– Я, – говорил турист скороговоркой, которая поставила бы в затруднение самого искусного стенографа, – тонул в болотах Голландии, жарился в пустынях египетских и сирийских, охотился за орангутангами на островах Яве и Борнео, дрался с пирейскими разбойниками, получил несколько ран в Испании от тамошних герильо и бандитов, видел развалины Колизея, ел медвежий окорок с Александром Дюма, курил сигару с Жорж Санд, ухаживал за мамзель Марс, играл в экарте с Рубини, Лаблашем и Тамбурини, читал рукописные записки Шатобриана, которые вы прочтете только после его смерти. Я слушал лекции Кювье и Гумбольдта, видел дом Гете, сидел на том самом стуле, на котором великий поэт, критик, естествоиспытатель, государственный человек и философ погружался в свои глубокие размышления, примеривал на свою голову колпак "остроумного сумасброда" Вольтера, целовал туфли римского папы. Наконец, скажу вам, я присутствовал на всех замечательных спектаклях, ученых лекциях, литературных вечерах, заседаниях палаты пэров и депутатов и даже однажды поддержал мадам Лафарж, невинную и возвышенную страдальицу, когда, обессиленная душевными муками, убитая стыдом и отчаянием, она готова была упасть в обморок...

– Любопытны, – заметил меланхолически поэт, воспользовавшись минутой, когда турист переводил одышку, – в высшей степени любопытны воспоминания человека, который так много видел. Сколько наблюдений! Сколько познаний! Сколько идей, сравнений, философических выводов!

– О, – сказал турист, закидывая назад голову и гордо озираясь кругом, – там, за границую, в беспрестанных переездах с одного места на другое, душа нечувствительно приобретает чудную силу и свежесть, рассудок с каждым днем обогащается новыми познаниями, голова начинает кружиться, кружиться... Поверите ли? Избыток мыслей, новость предметов... разительность впечатлений... ездить в омнибусе... обедаешь в ресторации... пьешь шампанское за пять рублей... Никогда, о, никогда не забуду я тебя, парижская жизнь, – вскричал турист, подняв очи горе, – жизнь людей, умеющих жить!.. Сердце мое навсегда сохранит, подле воспоминаний, дорогих моему сердцу, тот изящный стол, который имел я в день за полтора франка... Надо вам сказать, что житье за границей не то, что у нас; ресторации превосходные; цены умеренные: за чашку кофе с отличными сливками, с белым хлебом, прекрасно выпеченным, вы платите четверть франка; за квартиру, очень удобную, в месяц – 20 франков! Прачке, которая моет вам белье, – четыре франка. Конечно, иногда приходилось грустить: что-то, думал я, делают теперь мои родственники? Живы ли вы, почтеннейший Авдей Степанович? Было иногда так тяжело, тяжело... Но я утешался, что рассудок мой обогащается наблюдениями... В Сицилии очень много картофеля; в Лондоне удивительно дымно; улицы тесные, на улицах вечный шум, духота, визготня, крик; трактиры очень хорошие, можно иметь превосходный стол, но надобно платить очень дорого, – путешественнику обременительно. В Берлине мне в особенности понравилась уха. В Гавре превосходные устерсы, но, по несчастию, я не мог есть, – у меня была ужасная боль в желудке...

И так далее, и так далее. Нетрудно догадаться, к какому разряду туристов

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru принадлежал словоохотливый рассказчик.

В то самое время как турист беседовал таким образом, в другом углу шел не менее интересный разговор. Речь шла о привидениях, духовидстве, месмеризме, сомнамбулизме и тому подобном. Сбитеньщиков рассказывал анекдот, как одна девица в припадке лунатизма взошла на самый верх колокольни, несколько минут постояла на карнизе и благополучно возвратилась на свою постель.

- - Да что, моншер,- сказал высокий, тощий актер,- чего далеко ходить, ты сам, моншер, сомнамбул. Помнишь, как ты у меня ночевал?

- - Когда?

- - Ну вот как мы из Токсова-то приехали...

- - А! Помню! Помню! - отвечал лунатик, оправившись от минутного смущения.- Точно, я у тебя тогда ночевал... Прекуръезная история... Ха! ха! ха!..

Он засмеялся глухим, басистым хохотом, от которого задрожали стекла в рамках. Актер также хохотал.

- - Забыть не могу,- сказал он, удерживаясь от смеха.- Легли мы спать: я на диване, он на другом. Дело было в моем кабинете. Письменный стол, кресла, а в углу шкаф с серебром; у шкафа ключ. Сплю, наконец проснулся, темно еще; голова так и вертится; жажда ужасная! Встал, выпил стакан воды и опять лег. Лежал, я думаю, с час,- не спится! Гляжу, и Сбитеньщиков встал; идет потихоньку, на цыпочках; видно, думаю, и его также жажда морит; идет к столу, боится меня разбудить. Так нет! пошел к шкафу, а глаза у него так и светятся, выпучил их, точно кошка, сопит, как кузнечный мех... Постой! Что, думаю, из него будет; нарочно захрапел, будто сплю! Подошел он к шкафу, отворил, вынул ложку, другую, третью; вынул стакан серебряный... ну, там кое-что и еще, завернул всё в платок, который был с ним, и пошел вон из комнаты. Я за ним; он в прихожую - и я туда; он в сени - я тоже; гляжу: его уж и нет! Через минуту воротился без узелка. Я скорей на постель - наткнешься, думаю, напугаешь; пожалуй, еще с ума сойдет... Лег и захрапел; он тоже лег и захрапел; храпим себе, как будто бы за то жалованье получаем. Поутру встаем, напились чаю, я молчу. Он тоже ничего не говорит. Иду в шкаф, от шкафа в прихожую, к человеку. "Где серебро?" - "Не знаю-с!" А он всё молчит. Наконец спрашиваю: "Не снилось ли тебе, братец, чего? Ложек наших, стаканов... не ходил ли ты куда ночью?"

- - Помилуй, говорит, с чего ты взял! Я спал без просыпу. Прощай, братец, жена ждет.

За шапку, да было и домой! Нет, постой, говорю: скажи, где ложки?.. Обиделся; глаза загорелись. Назвал меня мальчишкой! на дуэль!

- - Ну как же, господа, не обидеться? - заметил Сбитеньщиков своим густым басом.- Поставьте себя на моем месте; всякий благородный человек обиделся бы. Ведь тут не что-нибудь другое; ведь тут честь - драгоценнейшее сокровище человека... Иное дело, если б я вспомнил, да не сказал...

- - А то не помнит ничего,- перебил актер,- да и только! Хоть убей, ничего не помнит... стараюсь вразумить, рассказываю, как было дело. Наконец прошу по крайней мере сказать, куда ходил ночью, "никуда,- говорит,- ты, братец, бредишь!"

- - Лунатики никогда не помнят того, что делают в припадках сомнамбулизма,- заметил фельетонист и поправил очки.

- - Вдруг,- продолжал актер,- он ударил себя по голове табакеркой и говорит: "ведь ты, братец, говорит,- черт знает что говоришь. Неужели жена-то моя не врет? Она частенько уверяла, что я по ночам куда-то хожу да разные вещи таскаю: насили, говорит, могу после найти!" Тут,- продолжал актер,- я немножко и догадался; схватил его за руки и говорю: "лунатик?"

- - Жена говорит, что лунатик,- отвечал он.

- - Точно, я так сказал,- подтвердил Сбитеньщиков.- Как ты, братец, всё помнишь!

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
– – Всё, кроме ролей, – сказал Зубков и наградил себя смехом.

– – Смотри, брат, – вскричал актер. – Я, брат, за такие шутки... Вишь, рожа!.. – И, мазнув рукою Зубкова по лицу, он продолжал: – Смекнувши, в чем дело, я побежал в сени, заглянул туда, сюда... и что же бы вы думали? Нашел узелок с моими вещами, да ведь где? Ха! ха! ха!..

Актер нагнул и означил шепотом место ночлега своих вещей...

Поднялся страшный хохот. Всех громче хохотал сам герой анекдота, Павел Петрович Сбитеньщиков, и хохот его походил на глухие звуки, издаваемые рассохшеюся бочкою, когда ее катят.

– – Хороший анекдот, – заметил Зубков, – только я знаю лучше...

– – Ну уж, пожалуйста...

"Помещу в водевиль! – подумал водевилист-драматург. – Ух! Как долго не дадут водки!"

Тайная мысль драматурга была справедлива: уж, действительно, давно было время пить водку.

Ударило двенадцать. Адмиральский час! Завтрак был уже готов, и закуски стояли на столе в другой комнате, но Хлыстов не решался еще подать сигнал к наступательным действиям. Была на то особенная причина...

Тот, кого все ждали с особенным нетерпением, кому назначено было первое место на пирושке Хлыстова, для кого она собственно и приготовлялась, еще не являлся...

Когда ударило двенадцать часов, большая часть гостей переглянулась, и долговязый поэт сказал:

– – Видимо, не будет!

– – Да, – подхватили со вздохом некоторые, – должно быть, задержали корректуры.

– – Будет, – сказал фельетонист. – Я видел его вчера в театре, и он сказал: "Буду непременно".

– – Мне хотелось, – заметил драматург, – рассказать ему сюжет водевиля, который я начал писать, попросить совета; человек умный, опытный, остроумный...

– – Я хотел, – сказал актер, – приступить к нему с просьбою, не напишет ли мне для бенефиса пьесу. Дома его так трудно застать. Он всегда так занят!.. Да притом оно как-то и лучше за бокалом шампанского. Тут человек бывает добрее; особенно если вина вдоволь... Мне бы только под веселый час слово дал, а уж там он у меня напишет: он не такой человек, чтоб захотел изменить честному слову...

– – Надежда опять меня обманула, – сказал своим однозвучным басом Сбитеньщиков. – Я опять не буду иметь счастья познакомиться с почтеннейшим Дмитрием Петровичем!

Почти те же самые слова были произнесены вполголоса молодым человеком, недавно приехавшим из провинции, но довольно было подслушать, как они были произнесены, чтоб понять, как глубоко было уважение, каким пользовался ожидаемый "субъект" в обществе, собравшемся у Хлыстова.

– – А что, господа, ведь, говоря откровенно, если есть у нас теперь во всем Петербурге даровитый писатель, так это Дмитрий Петрович, – сказал драматург-водевилист.

– – Совершенно справедливо, – отвечал длинный поэт. Белокурый фельетонист нахмурился.

Хлыстов хотел что-то сказать, но, вспомнив про свою доморощенную новую поэму, прикусил губу и посмотрел с испугом на драматурга-водевилиста. Надобно заметить, что драматург-водевилист был в некотором роде "органом" Дмитрия Петровича и исправлял при нем должность, за которую в школе некоторых мальчишек товарищи

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru зовут фискалами. Он решительно был убежден, что гениальнее Дмитрия Петровича не было человека и никогда не будет, и считал для себя счастьем даже дышать одним с ним воздухом.

В то самое время как, в ожидании сигнала к приступу, отчаяние начало овладевать голодными гостями, колокольчик звонке" залился...

- - Он! он!- вскричал драматург-водевильист.- Я узнаю его по звону колокольчика: никто так не может звонить!

- - У него всё оригинально,- заметил поэт и опрометью бросился в прихожую.

Мы все последовали туда же, но уже было поздно: дверь в гостиную отворилась, и Дмитрий Петрович, в темно-оливковом фраке, с золотыми пуговицами, в голубом галстуке и цветном бархатном жилете, диагонально пересекаемом часовой цепочкой, явился перед собранием "тли". Посыпались поклоны, рекомендации, комплименты.

- - Извините, милейший мой,- сказал издатель, обращаясь к хозяину с тою очаровательною любезностью, которая составляла отличительную черту его характера,- я немножко вас задержал! Что делать? Журналист не всегда может располагать собою по произволу, для него часто на белом свете черные дни...

Все захохотали, кроме фельетониста и лунатика, мирно спавшего в углу у окна.

"Помещу в водевиль!" - подумал водевильист-драматург.

- - Если б я, господа,- продолжал Дмитрий Петрович, пристукивая миниатюрной ножкой, вооруженную каблуком изумительной вышины,- если б я, господа, поспешил в ваше приятное общество...

Некоторые сочли нужным поклониться.

- - То заставил бы ожидать целые тысячи подписчиков...

"У тебя их и всего-то триста восемьдесят один, и с гратисами",- сказал фельетонист про себя.

- - Что,- продолжал издатель,- согласитесь, было бы гораздо хуже. Как человек публичный, как журналист, я обязан пещись о исполнении моих обязанностей перед публикою: я не какой-нибудь... который наполняет свои фельетоны похвалами лавочкам и кондитерским, взимая с них контрибуцию сальными свечами и конфетами. Я понимаю свои обязанности... Добросовестность для меня дороже всего. Целое утро я был погружен в работу с головой и с ногами. Первые три часа я был превращен в машину, которую зовут автоматом-корректором: сличал слово с словом, строку с строкой; потом я должен был перечитать и поправить статьи сотрудников... Потом я взял перо и соорудил статейку о Задорине и о свойствах его...

- - Опять? - вскричал водевильист-драматург с выражением величайшей радости, который в продолжение рассказа Дмитрия Петровича таял от восхищения и думал про себя: "Как говорит, боже мой, как говорит!"

- - Да, опять,- отвечал издатель,- по случаю выходки его на статью мою о петербургских гуляньях. Вообразите, господа, вздумал смеяться надо мною, что там, в одном месте, говоря о себе, я упоминаю о недугах, сопряженных с трудным званием журналиста, о геморрое...

- - Прошу покорно,- сказал долговязый поэт обиженным тоном,- да ему-то какое дело!

- - Да уж зато порядком же ему и досталось. Этот геморрой вгонит его в чахотку!

Вторичный взрыв смеха...

- - Любопытно было бы прочесть, как вы его отделали,- сказал водевильист-драматург, делая масляные глазки издателю.

- - К сожалению, статья уже в типографии; вы знаете, журналисту некогда долго носиться с своими статьями. Если хочешь, чтоб были хороши, давай им вызревать в

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru голове. А уж, кажется, ловко ему досталось... Вот, говорю, есть в нашей литературе шмели...

И затем издатель от первой до последней строки рассказал свою статью, делая в приличных местах пояснения. Он обыкновенно выучивал наизусть свои статьи, что, впрочем, не стоило ему большого труда, потому что делалось как-то незаметно: статья оставалась в памяти по прочтении в пятый раз, а издатель иногда читал свои статьи по пятидесяти раз в сутки и более, смотря по количеству приходивших знакомых. К чести его, однако ж, должно сказать, что он не имел обыкновения читать своих статей своему лакею и только в крайнем случае, когда решительно не было ни одного постороннего слушателя, читал их своему отцу, от природы глухому...

Затем приступили к завтраку, который был, как все холостые завтраки, из хорошего вина и плохих острот, шумен и продолжителен. Издатель-журналист был в особенности весел и, собравши около себя тесный кружок внимательных слушателей, с бокалом шампанского в руке, ораторствовал с тем неподражаемым остроумием, которое так нравилось поклонникам его дарования. Водевилист-драматург ловил каждое слово журналиста, таял от восторга и мотал себе на ус его остроты; хохот долговязого поэта возобновлялся через каждые пять минут и был сигналом к общему взрыву мелких гостей, считавших за счастье восхищаться остроумием дорогого гостя. Актер, имевший в виду пьесу для бенефиса, в любезности и внимательности к оратору превзошел самого себя. Разговор, разумеется, вертелся около театра и литературы.

- - Литература наша, - говорил Дмитрий Петрович, поправляя очки и прихлебывая шампанское, - в настоящее время похожа на толкучий рынок... где на грязном лотке уродливой торговли лежат яблоки свежеею стороною кверху, а гнилая тщательно скрыта; глядя на них, можно ошибиться, но... - Тут он быстро повернулся на одной ножке и закричал: - Человек! Дай, братец, мне еще желея, только давай не жалея!..

Раздался оглушительный хохот, продолжавшийся несколько минут.

- - Какой человек! Какой человек! - сказал водевилист-драматург длинному поэту и с чувством пожал ему

руку.

- - Но, - продолжал издатель, когда тишина восстановилась, - попробуй взять хоть одно из этих яблок в руки, и обман тотчас откроется... Вы купите десять яблок за цену, которую должно бы заплатить за три... Но, увя, ваши десять не стоят и одного: ваши десять в червях!

Страшный взрыв хохота.

- - Конечно, литературы нашей нельзя сравнивать с гнилыми яблоками в отношении ценности книг, - продолжал оратор, торопясь поправить обмолвку, в которую вовлекла его острота, - но ценность в сторону... Пусть бы уж не жалели нашей наличности: ценность имеет влияние только на личности (хохот), индивидуумы, как говорят наши доморощенные философы (хохот), а литература все-таки шла бы вперед путем совершенствования... Пусть уж было бы дорого, да мило! А то дорого, и так дурно, что просто порядочному человеку может сделаться дурно!

Опять хохот.

"Всё, решительно всё помещу в водевиль!" - подумал раскрасневшийся от вина и улыбающийся от восторга водевилист-драматург и сказал, смотря на издателя с чувством благоговейного изумления:

- - Вы сегодня, Дмитрий Петрович, превзошли самого себя!

- - Бывают на меня такие минуты, - скромно отвечал оратор. - Слова так сами и льются. На днях нас, вот с Ипполитом Сергеевичем (оратор указал на одного из гостей), затащил к себе книгопродавец Крикунов; я сказал, я думаю, пятьсот каламбуров на дне... то есть, господа, не на речном или морском дне... (хохот). Вхожу к нему по темной лестнице в четвертый этаж и говорю: "Мы прибыли для вашей прибыли" (хохот). Потом оглядываюсь, чуть по достаю головой до потолка и говорю: "Вы, почтеннейший, живете вместе и высоко и низко" (хохот). "Да-с, тово-с, -

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru говорит он облизываясь.- Хи! хи! хи! Не прикажете ли сначала водочки-с! - говорит он.- Настойка отличнейшая-с, с перцем-с, из мяты!" - "То-то,- отвечаю я,- как у вас сторы измяты!" (хохот). Ну, словом, так каламбур за каламбуром и вырывался...

Разговор о литературе был забыт. Журналист-издатель пересказал до пятидесяти плоскостей, произнесенных им на завтраке у книгопродавца, и каждая была встречена общим одобрением. Пошло дело на каламбуры: водевилист-драматург с сильно бьющимся сердцем пересказал неведомо откуда пришедший ему в голову каламбур касательно "точности" и "неточности", произнесенный им выше.

- - Каламбуры, - заметил Дмитрий Петрович, - на русском языке чрезвычайно трудны; отечественный язык наш очень богат, для каждого предмета он имеет отдельное название, а для иного два, три и четыре. Иное дело французский язык: часто пять или более предметов носят то же название, и вся разница в одной букве или в каком-нибудь незаметном оттенке произношения. Оттого там каламбуры чрезвычайно легки. У нас напротив. Только вникший в дух русского языка, изучивший его во всех тонкостях, способен по временам открывать те редкие соотношения слов и созвучий, которые производят смех в слушателях.

И он торжественно прошелся по комнате.

- - Как умно, тонко и справедливо! - воскликнул водевилист-драматург, подошел к Дмитрию Петровичу и со слезами на глазах попросил позволения обнять его, признавшись, что он совершенно бы отчаялся за русскую литературу, если б в ней не было Дмитрия Петровича. Обнявши издателя и напечатлев на устах его несколько сочных поцелуев, он подошел к столу и, протянув руку к бутылке, разбил зеркало, под которым стоял стол.

Потом он сел на диван, опустил голову и начал что-то невнятно шептать про себя. После чего вскоре гости начали расходиться; остались только короткие приятели Хлыстова: долговязый поэт, Зубков, актер, рассказывавший анекдот о лунатике, да три или четыре господина, которым ноги отказались служить. Не нарушая их мирного сна, бодрствующие осушили еще несколько бутылок шампанского и единодушно решили, что в комнатах сидеть скучно. Привели несколько в порядок свою одежду и начали спускаться по лестнице не совсем твердым шагом. Вдруг долговязый поэт пробормотал что-то себе под нос и опрометью бросился назад.

- - Куда ты?

Но поэт ничего не слышал: он уже был в гостиной и будил драматурга-водевилиста. Тот потянулся, зевнул, вскочил, проворчал с ужасом: "Что, шикают?" - и открыл глаза. "Не мешай, братец, мне спать!" - сказал он, увидев своего приятеля, и снова опустился в кресла с отчаянным намерением тотчас заснуть. Но поэт нагнулся, шепнул ему слово, которое вмиг превратило его в живого и бодрого юношу; <он> быстро подбежал к разбитому зеркалу, пригладил свою седую голову, улыбнулся и пошел вслед за поэтом.

- - А жена-то! - сказали ему товарищи, ожидавшие у ворот.

- - Жена да повинуется своему мужу! - отвечал драматург, стараясь попасть рукою в рукав своей шубы...

1849-1850

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: финский вестник, 1845, т. II, отд. III, с. 25-56, с подписью: "Иван Вихрев".

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. VI.

Автограф не найден.

Датируется 1845 г. по времени опубликования.

Авторство Некрасова установлено А. М. Гаркави на основании сюжетной и стилистической близости "Очерков" к тексту первой части романа "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" (см.: Гаркави А. М. О вновь найденном рассказе Н. А. Некрасова "Очерки литературной жизни". – Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1949, No 122, сер. филол. наук, вып. 16, с. 125–136).

О возможном сотрудничестве Некрасова в "Финском вестнике", издававшемся в 1845–1847 гг. Ф. К. Дершау, приятелем Некрасова, писал в 1878 г. В. Горленко (см.: Горленко В. Литературные дебюты Некрасова. – Ст 1879, т. IV, с. СХIII); ср. также заметку "От редакции" (Финский вестник, 1846, No 7), содержащую сообщение о том, что в журнале будут опубликованы "повести и нравоописательные статьи <...> Н. А. Некрасова" (обещание это, правда, выполнено не было).

Псевдоним "Иван Вихрев" сходен с другими псевдонимами Некрасова 1840-х гг.: "Иван Бородавкин", "Иван Иванович Грибовников", "Иван Пружинин" (см.: ПСС, т. VI, с. 562).

Судя по отсутствующим в романе о Тростникове (во второй его части) концу главы I и полностью главе II, "Очерки..." являются переработкой соответствующих мест романа (см. об этом указанную выше статью Л. М. Гаркави, а также: Крошкин А. Ф. Роман Н. А. Некрасова "Жизнь и похождения Тихона Тростникова". – Некр. сб., III, с. 45–47). Очевидно, Некрасов работал над "Очерками..." одновременно с романом о Тростникове, не напечатанным при его жизни. В "Очерках..." и второй части романа прослеживаются те же образы, ситуации, подчас текстуальные совпадения: "издатель-журналист" Дмитрий Петрович аналогичен "издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа" (тоже Дмитрий Петрович), поэт Свистов и его приятель водевилист-драматург Посвистов соответствуют персонажам со столь же созвучными фамилиями Кудимов и Анкудимов (в романе и в рассказе "Необыкновенный завтрак"), "любезный и тощий актер", у которого "любезность составляла главную черту характера", – актеру, "отличавшемуся необыкновенной любезностью" (в романе). Сходны также главные герои "Очерков..." и романа: поэт Хлыстов и поэт Тростников (описание квартиры, внешности, поведения).

Многочисленные плоские каламбуры, произносимые издателем Дмитрием Петровичем, по стилю близки каламбурам в "Тихоне Тростникове" и "Необыкновенном завтраке": "на белом свете черные дни", "мне еще желя <...> не желя", "так дурно, что <...> может сделаться дурно", "мы прибыли для вашей прибыли" и др. (см. выше, с. 372, 374, 375). А. М. Гаркави (см. указанную выше статью, с. 131–132) отметил текстуальную близость характеристик издателя Дмитрия Петровича (прототипом которого явился Ф. А. Копи) в "Очерках..." и романе о Тростникове. 15 "Очерках...": "издатель-журналист <...> ораторствовал с тем неподражаемым остроумием, которое так нравилось поклонникам его дарования" (с. 373). В "Тихоне Тростникове": "Дмитрий Петрович был в моих глазах тем же, чем в глазах всех поклонников своего высокого дарования: я считал его одним, из умнейших и остроумнейших людей XIX столетия и верил слепо в непогрешительность его суждений" (ПСС, т. VI, с. 163).

Некрасов обыгрывает свойственную Ф. А. Кони черту, неоднократно отмечавшуюся его современниками. "Гениальный остряк Кони, – иронически писал А. А. Краевский М. Н. Каткову 11 марта 1841 г., – аккуратно издает "литературную газету" и рассыпается в остротах, перед которыми и Жанен passes" (ЛН, т. 56, с. 154). И. И. Панаев в фельетоне "Петербургская жизнь, наброски Нового поэта" говорил: "Копи, обращавшийся некогда преимущественно к дамам в своих прелестных фельетонах с ловкостью почти светского человека" (С, 1858, No 12, с. 279).

"Очерки..." посвящены теме литературно-журнальной и театральной жизни 1840-х гг., литературному быту второстепенных и третьестепенных писателей, драматургов, фельетонистов, актеров – теме, к которой писатель уже обращался в повести "Без вести провавший пиита", в водевилях "Утро в редакции. Водевильные сцены из журнальной жизни", "Актер", в стихотворении "Говорун", в романе о Тростникове, в рассказе "Необыкновенный завтрак".

Сатирическое изображение литературной среды привлекало внимание многих современников Некрасова: М. Н. Загоскина ("Вечеринка ученых", 1817), В. Ф. Воейкова ("Дом сумасшедших", 1838), Ф. А. Кони ("Петербургские квартиры", 1840), Ф. В. Булгарина ("Кабинет журналиста", 1844), И. И. Панаева ("Тля", 1843;

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru "Петербургский фельетонист", 1845) и других.

По содержанию, замыслу, художественной структуре "Очерки..." близки к повести И. И. Панаева "Тля" (ОЗ, 1843, No 2). На этот источник указывает сам Некрасов в начале повествования: "кто-то из писателей очень метко охарактеризовал известный разряд петербургской пишущей братии названием "тли"" (с. 355). В повести И. И. Панаева в центре изображения – нравы литературно-театральной петербургской среды, во многом определяемые журнальной конкуренцией, стремлением приспособиться к низкопробным вкусам публики: "В этот жалкий микроскопический уголок, где копошится литературная тля заднего двора, я введу моего читателя" (ОЗ, 1843, No 2, отд. I, с. 219).

В соответствии с темой повествование в "Очерках..." разворачивается в сатирическом, фельетонном ключе. Значение и смысл рассказа не в искусстве построения сюжета, а в иронической характеристике выведенных в нем типов мелких сочинителей, преуспевающих издателей, драматургов, фельетонистов, актеров, за которыми угадываются реальные лица (Ф. А. Кони, Ф. В. Булгарин, М. П. Погодин и др.), в прозрачных намеках на злободневные события и факты литературно-журнальной и театральной жизни 1840-х гг.

Мастерство Некрасова-пародиста (поэта и прозаика) раскрылось в "Очерках..." многозначно (см. об этом в указанной выше статье А. М. Гаркави, с. 129, и в его же работе "Некрасов-пародист", опубликованной в кн.: О Некр., вып. II, с. 69). Ярким примером литературной пародии на произведения эпигонов романтизма является отрывок из поэмы "Колыбель человечества", прочитанный поэтом Свистовым, в котором романтическая символика представлена как бессмыслица ("Где розы – как девы, а девы – как розы", "...лучи, как червонцы...") и высмеяно традиционное для поздних романтиков пристрастие к восточной теме. Некрасов прокомментировал этот отрывок "значительными" словами фельетониста: "Нельзя не согласиться, что картина варварских восточных обычаев изображена с потрясающим сердце эффектом" (с. 365). Рассказ "туриста, недавно вернувшегося из-за границы", представляет собой сатирическую имитацию некоторых мест "Дорожного дневника" М. П. Погодина "Год в чужих краях" (1844; см. ниже, с. 598–600). В пародийно-комическом тоне воспроизведены облик и стиль поведения Ф. А. Кони – водевиллиста и издателя, в сатирическом тоне звучат намеки на издателей "Северной пчелы" Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча (см. с. 363).

В присущей "Очеркам..." сатирической фельетонной манере Некрасов развивал тезис Белинского о становлении "натуральной школы": "Теперь выходят из моды и герои добродетели, и чудовища злодейства, ибо ни те, ни другие не составляют массы общества. Вместо их действуют люди обыкновенные, каких больше всего на свете, – ни злые, ни добрые, ни умные, ни глупые, по большей части положительно необразованные, положительно невежды, по отнюдь не дураки" (Белинский, т. VIII, с. 85).

Высмеивая представителей рептильной журналистики, беспринципных сочинителей (литературных "тлей", являющихся "гласом публики" – мелкого петербургского чиновничества), далеких от острых общественных проблем современности, Некрасов активно включался в борьбу за создание реалистической литературы, которую вел Белинский.

С. 355. ...надеялся своими стихами ~ перевоспитать всё человечество.– Перефразированная автоцитата из стихотворения "СТИШКИ! Стишки! Давно ль и я был гений?.." (1845). Ср.: ""Избранники небес", мы пели, пели И песнями пересоздать умы, Перевернуть действительность хотели" (наст. изд., т. I, с. 19).

С. 355. Кто-то из писателей очень метко ~ названием "тли".– Имеется в виду И. И. Панаев, автор "Тли. (не повести)" (ОЗ, 1843, No 2, отд. I, с. 213–297). Название повести Панаева широко вошло в литературу 1840-х гг., использовано Белинским в статье "Литературные и журнальные заметки" (ОЗ, 1843, No 3), в критическом отзыве "об изделиях драматической "тли"" (по поводу пьесы Н. А. Полевого "Ломоносов") (см.: Белинский, т. VII, с. 17).

С. 356–357. В утреннем голубом сюртуке ~ декламируя какие-то стихи своего сочинения.– Описание внешности героя и его кабинета текстуально совпадает с аналогичным эпизодом в главе I части второй романа о Тростникове: "...я прохаживался в франтовском утреннем халате и в малиновой ермолке с золотым

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru ободочком <...> подходил к зеркалу и долго внимательно любовался игрою своей физиономии, которая казалась мне чрезвычайно умной..." (ПСС, т. VI, с. 162). Ср. также с описанием кабинета "издателя какой-то газеты" в повести И. И. Панаева "Тля": "...он, прохаживаясь по своему будуару в ермолке с золотой кисточкой, с сигаркой во рту <...> говорил <...> бросая порою значительные и довольные взгляды на ту стену, где висел его портрет, окруженный портретами всех гениев, начиная с Сократа до Жюль-Жанена включительно" (ОЗ, 1843, No 2, отд. I, с. 225).

С. 357. Моншер – мой дорогой (франц. mon cher).

С. 358. ...с пальцем девять-с, с огурцом пятнадцать!..- приглашение цирюльника с обозначением способа бритья и оплаты за услуги.

С. 358. ...петербургских апраксинцев...- т. с. торговцев Апраксина двора в Петербурге – рынка, где были расположены лавки, в которых, велась торговля галантерейными, суконными, шелковыми, холщовыми, бумажными и другими товарами (см.; Пушкирев И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. СПб., 1843, с. 445).

С. 359. ...фигура в фризовой сюртуке...- Фриз – толстая ворсистая ткань в виде байки. Фризковые шинели и сюртуки носили представители низшего сословия.

С. 359. ...китаец ...мандарин пятой степени!..- См. комментарий на с. 562.

С. 360. ...напевая куплет из недавно разыгранного водевиля: Да, истинно актеры жалки ~ И маску целый век носить.- Куплет из водевиля П. С. Федорова "Хочу быть актрисой, или Двое за шестерых" (1840).

С. 362. Жан-Поль – псевдоним немецкого писателя Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763-1825). О прекрасных переводах "некоторых жан-полевых афоризмов" Некрасов писал в рецензии на "Молодик" (1843; ПСС, т. IX, с. 117).

С. 363. Жена, действительно, как древо Познания добра и зла ~ чудные дела...- цитата из водевиля П. А. Каратыгина "Булочная, или Петербургский немец" (1843). На второе издание этого водевиля (1844) Некрасов написал одобрительную рецензию (ЛГ, 1844, 29 июня, No 25, с. 428).

С. 363. ...издатели "Гремучей змеи"...- Имеются в виду издатели "Северной пчелы" Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч (ср. главу "Почтеннейший" в романе о Тихоне Тростникове – ПСС, т. VI, с. 183-189).

С. 364. Есть край, где горит беззакатное солнце ~ Усеяно трупами мрачное дно...- Возможным объектом пародии в данном случае является перевод "турецкой повести" Байрона "Невеста абидосская", принадлежавший И. И. Козлову (<1826>):

Кто знает край далекий и прекрасный,

Где кипарис и томный мирт цветут

И где они как признаки растут

Суровых дел и неги сладострастной

.....

Где дивно все, вид рощи и полян

.....

И девы там свежее роз душистых

.....

Тот край Восток, то солнца сторона!

В ней все дышит волшебною красою,

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Но люди там с безжалостной душой:

Земля как рай! Увы! Зачем она –
Прекрасная, злодеям предана!..

В статье В. А. Егорова "Две заметки о пародиях Некрасова" прослежено тематическое, композиционное, фразеологическое соответствие сатирической пародии Некрасова некоторым стихам перевода Козлова (см.: Некр. и его вр., вып. VI, с. 79–83). Первые строки ассоциируются также с "Песнью Миньоны" Гете – "Kennst du das Land..." ("Ты знаешь край..."), которую Некрасов пародировал в "Дружеской переписке Москвы с Петербургом" (см.: наст. изд., т. II, с. 53). Последние две строки "колыбели человечества" стилистически близки к стихам драмы Павлюкова "Навуходоносор" в "Тле" и. и. Панаева (ОЗ, 1843, No 2, отд. I, с. 245):

И бездыханное Амалафриды тело
Низвергну со скалы в кровавый океан.

Ср. также с переводом Козлова:

Но где ж Зюлейки друг молодой;
Чьей кровью волны обагрились?

О "восторженном поэте" см. в стихотворении "Новости" (18–55): "Рекой лились гремучие стихи, Руками он махал как исступленный" (паст, изд., т. I, с. 29).

С. 364. – Вроде Дантова ада...– Имеется в виду одна на частей "Божественной комедии" Данте Алигьери.

С. 365. Задеть мою амбицию Я не позволю вам ~ А вы-то кто такой? – Куплеты из водевиля П. А. Каратыгина "Чиновник по особым поручениям" (1837). Ср. также комментарий на с. 621.

С. 365. ...водевилист-драматург ~ сказал вполголоса: "Помещу в водевиль!".- Часто повторяющаяся в "Очерках..." фраза (ср. аналогичный мотив в водевиле Д. Т. Ленского "Барская спесь, или Анютини глазки": "Вдруг два прекрасных каламбура. Непременно помещу в водевильчик!" – РИП, 1842, кн. 7, с. 32).

С. 366–368. Потом явился турист, недавно возвратившийся из-за границы ~ к какому разряду туристов принадлежал словоохотливый рассказчик.- Пародируемый в этих строках "Дорожный дневник" М. П. Погодина "Год в чужих краях, 1839", опубликованный в "Москвитянине" за 1843 г. (отд. изд.: М., 1844), был охарактеризован Некрасовым в рецензия на "Молодик" (1843) как записки "без связи", состоящие "из множества лоскутков" (ПСС, т. IX, с. 112). Ср. пародию Герцена "Путевые записки г. Вёдрина" (ОЗ, 1843, No 11) и критическую оценку Белинского в статье "Париж в 1838 и 1839 годах, соч. В. Строева": "...отрывистые отметки, подобные следующим; "ели, легли спать; вчера пошли было в дешевый кабак обедать – на дороге застиг проливной дождь, – писали с женой письма", напомнили бы собою записки прославленного Гоголем титулярного советника Поприщина" (Белинский, т. VI, с. 61). В романе о Тростниково есть сходный эпизод: "молодой рябоватый человек" "с энтузиастическим жаром рассказывал об удивительном впечатлении парижской и итальянской оперы" (см.: наст. изд., т. VIII).

С. 367. ...дрался с пиренейскими разбойниками ~ несколько ран в Испании от тамошних герильо...– Герилья – название партизанской войны в Испании (исп. guerrilla, от guerre – война). намек на политические события в Испании после испанской революции 1834–1843 гг. Ср. в рассказе Я. П. Буткова "Ленточка" (1845): "Нынче все рассуждают, даже иной порядочный, или, говоря языком невежественной старины, мальчишка, толкует об испанских <...> делах" (Бутков Я. П. Повести и рассказы. М., 1967, с. 57).

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru С. 367. ...видел развалины Колизея...- См. у Погодина: "Далее развалины базилики Константиновой, а там вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумел. Глаза перебежали от одного предмета к другому. Долго не хотелось сдвинуться с места" (Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839, ч. 2. М., 1844, с. 86). Ср. стихотворение Некрасова "Колизей" (1840).

С. 367. ...ел медвежий окорок с Александром Дюма...- О популярных в 1840-е гг. романах А. Дюма Некрасов критически отзывался в рецензии на "Путевые заметки. Соч. Т. 4." (1847): "...какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма" (ПСС, т. IX, с. 189).

С. 367. ...курил сигару с Жорж Санд...- Герой очерка И. И. Панаева "Тля. (Не повесть)" Гребенщиков "о Жорже Сан-де не имел никакого понятия и только слышал от кого-то, что она ходит в мужском платье и курит сигарки" (ОЗ, 1843, No 2, отд. I, с. 231). Ср. также стихотворения Некрасова "И он их не чуждался в годы оны..." (1843-1844) и "Прекрасная партия" (1852).

С. 367. ...ухаживал за мамзель Марс...- Анна Франсуаза Ипполита Марс (1779-1847) - французская актриса.

С. 367. ...играл в экарте с Рубина, Лаблашем и Тамбурини...- Экарте - азартная карточная игра для двух лиц (франц. ecarte - сброшенный). Джованни Баттиста Рубини (1795-1854) - итальянский певец, тенор; Луиджи Лаблаш (1794-1858) - итальянский певец, бас; Антонио Тамбурини (1800-1876), итальянский певец, тенор. О предстоящих в 1844 г. в Петербурге гастрольях Рубини и Тамбурини Некрасов писал в "Журнальных отметках" (РИ, 1844, 17 ноября, No 208, с. 830). Лаблаш упоминается в числе "парижских удовольствий" в повести В. А. Соллогуба "Тарантас" (1845).

С. 367. ...читал рукописные записки Шатобриана...- Имеются в виду "Замогильные записки" ("Les Momoires d'outre-tombe" французского писателя Франсуа Рене де Шатобриана (1768- 1848), изданные посмертно (1848-1850). См. у Погодина: "На поклон схожу к одному Шатобриану" (Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839, ч. 3. М., 1844, с. 24).

С. 367. Я слушал лекции Кювье и Гумбольдта...- Погодин часто пишет о посещении им лекций в Сорбонне, Коллеж де Франс, в Академии естественных наук и т. д. В парижской Академии наук "в углах и в простенках бюсты. Здесь вы видите Кювье <...> Везде почтены заслуги" (Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839, ч. 3, с. 125).

Жорж Кювье (1769-1832) - известный французский естествоиспытатель; Вильгельм Гумбольдт (1767-1835) - немецкий филолог, философ, языковед и государственный деятель.

С. 367. ...видел дом Гете, сидел на том самом стуле ~ погружался в свои глубокие размышления...- Ср. "Кабинет восковых фигур" (1843): "Кто ж это в бархатной скуфейке, с крестом французским на груди, сидит так смиренно на скамейке, на гроб так пристально глядит? То славный Гете современник, Писатель с чувством и умом" (наст. изд., т. I, с. 378).

С. 367. ...примеривал на свою голову колпак "остроумного сумасброда" Вольтера...- Ср. у Погодина: "Наняли коляску побывать в гостях у <...> Вольтера <...> Приемная и спальня Вольтера оставлены в прежнем виде...". Служитель Вольтера "прочел нам выученную речь свою о Вольтере, его привычках <...> показывая его вещи, письма" (Погодин Ж. П. Год в чужих краях. 1839, ч. 4. М., 1844, с. 161-163). Выражение "остроумный сумасброд" - возможно, парафраза слов Пушкина о Ж.-Ж. Руссо: "красноречивый сумасброд" ("Евгеий Онегин", глава 1, строфа XXIV).

С. 367. ...заседаниях палаты пэров и депутатов...- Наименование составных частей парламента. Пэр - титул высшего дворянства. Палаты пэров и депутатов - верхняя и нижняя палаты. Ср. у Погодина: "Хотел было зайти в палату депутатов, но опоздал" (Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839, ч. 3, с. 47).

С. 367. ...поддержал мадам Лафарж ~ готова была упасть в обморок...- Речь идет о Мари Лафарж, приговоренной парижским судом за отравление мужа к пожизненному заключению. В тюрьме Лафарж написала "Воспоминания", опубликованные в 1841 г., в которых обвиняла судей в пристрастности. Процесс по делу Лафарж, происходивший в Париже в 1840 г., широко обсуждался в русских газетах.

С. 368. Речь шла о привидениях ~ сомнамбулизме и тому подобном.- Месмеризм, или животный магнетизм, - теория Месмера (1733-1815), убежденного в существовании "магнитной силы", которую человек черпает из вселенной и истечение которой оказывает влияние на других людей. Теория эта пользовалась популярностью в конце XVIII - начале XIX в. Созданная Парижской академией наук комиссия пришла к заключению, что явления месмеризма в значительной степени сводятся к шарлатанству. Сомнамбулизм - то же, что лунатизм, - хождение во сне.

С. 368. ...из Токсова-то приехали...- Токсово - пригород Петербурга. "Токсово справедливо называют петербургской Швейцарией <...> Любителям уединенных прогулок поездка в Токсово может доставить истинное наслаждение" (Пушкарёв И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его, с. 466).

С. 369. ...ведь тут честь - драгоценнейшее сокровище человека...- Это выражение употребляется в аналогичном ироническом контексте в "Необыкновенном завтраке" (1843; см. выше, с. 324).

С. 370. Адмиральский час! - Шуточное выражение, установившееся со времен Петра I и обозначающее час, когда следует приступить к водке перед обедом.

С. 372. ...для него часто на белом свете черные дни...- Автоцитата из водевиля "Утро в редакции" (1841), куплеты Семячко: "И что на нашем белом свете Мне ежедневно - черный день" (наст. изд., т. VI, с. 71).

С. 372. ...целые тысячи подписчиков ~ всего-то триста восемьдесят один, и с gratisами"...- Гратис (лат. gratis) - бесплатно. Бесплатные экземпляры раздавались для поднятия престижа издания. О борьбе журналистов за число подписчиков см. в романе о Тростникове (наст. изд., т. VIII).

С. 372. ...я не какой-нибудь... который наполняет свои фельетоны похвалами лавочкам и кондитерским...- Намек на Ф. В. Булгарина. Ср. аналогичный эпизод в "Петербургском фельетонисте" И. И. Панаева: "Он за сладкий пирожок пишет похвальное слово кондитеру; за десять сигарок восхваляет табачную фабрику; за фунт икры строит комплименты овощной лавочке" (ФП, ч. 2, с. 270).

С. 372-373. ...соорудил статейку о Задорине ~ по случаю выходки его на статью мою о петербургских гуляньях.- Имеется в виду водевиль Ф. А. Кони "Петербургские квартиры" (1840), в котором в образе журналиста Абдула Фадеича Задарина был высмеян Булгарин. Очевидно, здесь содержится и намек на статью Ф. А. Кони "История балов и маскарадов" (П, 1840, No 1), вызвавшую отрицательную оценку Булгарина в статье "Журнальная мозаика" (СП, 1840, 5 июня, No 124), и ответ Ф. А. Кошты "От редакции" (П, 1840, No 6) - см. об этом статью А. М. Гаркави "О новонайденном рассказе Н. А. Некрасова "Очерки литературной жизни"", с. 132-133. Ср. также выпад Булгарина против Кони в статье "Русская литература. Фельетон литературный": "...Г. Кони писал статейки по указанию редактора литературной части "Пчелы" для "Смеси" - о балаганах, штукарях, загородных гуляньях - это входит в состав "Северной пчелы" не как литература и литературой никто этого не называл, а как городские известия" (СП, 1841, 24 дек., No 289).

С. 373. Вот, говорю, есть в нашей литературе шмели...- Намек на Ф. В. Булгарина, автора книги "Комары. Всякая всячина. Рой первый" (СПб., 1842). Ср. статью Булгарина "Очерки русской литературы, соч. Н. Полевого": "Мы еще удивляемся, что литературные осы и шмели так легко пропустили это сочинение!" (СП, 1840, 21 марта, No 65).

С. 373. ...издатель иногда читал свои статьи по пятидесяти раз в сутки ~ не имел обыкновения читать своих статей своему лакею...- Ср. близкую по стилю и содержанию цитату из статьи Белинского "Литературные и журнальные заметки" (ОЗ, 1842, No 1): "Он, бедный, совершенно помешался на литературной славе и статейки свои (которые почитает, разумеется, великими произведениями) еще в рукописи читает не только своим приятелям, но всем наборщикам типографии, в которой печатается его листок, своему лакею и даже привратнику" (Белинский, т. VI, с. 580).

С. 374. ...литература наша ~ похожа на толкучий рынок...- Ср. авторское отступление о русской журналистике в романе о Тростникове: "Каждый, - почти каждый, - русский журнал той эпохи можно было сравнить с лавочкою толкучего рынка, где развешаны разные приманки и безотходно стоит ловкий парень с широким горлом, зазывающий

Очерки литературной жизни. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
покупателей, нагло выхваляющий гнилой товар своей лавчонки и осуждающий товар
соседа" (ПСС, т. VI, с. 164-165).

С. 374. ...ваши десять в червях! – Карточный термин. Ср. в "Говоруне" (1843): "В
червях игру сквернейшую сыграл..." (наст. изд., т. I, с. 395) и в некрасовских
стихах коллективного фарса "Как опасно предаваться честолюбивым снам" (1846):
"Кляууса десятью в червях!.." (см. выше, с. 481).

С. 374. ...не жалели нашей наличности ~ влияние только на личности...- Намек на
каламбуры в водевилях Ф. А. Кони "Женская натура" (1839): "И курс личной красоты
ниже красоты наличной" – и "Петербургские квартиры" (1840): "Собственной
личностью, звонкой наличностью действуй вовек...".

С. 376. Жена да повинуется своему мужу! – Усеченная цитата из Нового завета:
"Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу" (Послание апостола Павла к
ефесянам, гл. 5, ст. 22).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!